

НИКОЛАЙ УГЛОВ

Ведьма

РАССКАЗЫ. ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Углов

Ведьма. Рассказы. Публицистика

«Издательские решения»

Углов Н.

Ведьма. Рассказы. Публицистика / Н. Углов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839513-0

Послевоенное время в Сибири. Деревушка в тайге. Местное население состоит из неграмотных, тёмных, забытых людей. Все истово верят в нечистую силу. В деревне действительно происходит много необъяснимых и непонятных явлений. Автор пытается рассказать и осмыслить происходящие события.

ISBN 978-5-44-839513-0

© Углов Н.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Оборотни	6
Упыри	9
Ведьма	19
Ночь со Злыднем	24
Живые мертвецы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ведьма Рассказы. Публицистика

Николай Углов

© Николай Углов, 2017

ISBN 978-5-4483-9513-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Оборотни

На въезде в наше село, у притока реки Шегарки – Тетеринки располагалось кладбище. Это кладбище внушало нам, ребятишкам, страх и ужас. Про Тетеринское кладбище ходило очень много ужасных слухов, а приключившееся происшествие там в это лето с нашей старостой класса Ольгой Гуселетовой окончательно убедило нас, что там нечисто.

В начале сентября, уже учась в школе, наш класс проходил через Тетеринку, направляясь на уборку льна. Нас было много, шумно, весело, никто ничего не боялся, и мы на кладбище задержались, рассматривая могилы. Над деревянными покосившимися крестами глухо шумели опадающие осины и тополя, трава в рост человека скрывала безымянные холмики могил.

Вдруг услышали глухой шум и отрывистый вскрик. Ольга Гуселетова, рассматривая могилу какого – то знакомого, вдруг провалилась выше колен. Могилу, видно, зимой присыпали мёрзлой землёй со снегом, и она оказалась почти пустой – лишь корочка дёрна сверху. Подбежали к Ольге все разом и обомлели. Побледневшая старостиха дико, с ужасом уставилась в могилу, упершись одной ногой о край земли и безуспешно выдёргивая другую. Страшная картина поразила всех. Оскалившийся мертвец двумя руками – костями цепко держал Ольгину ногу, провалившуюся сквозь рёбра груди. Пронзительно закричали, завизжали все, кидаясь врассыпную. Не потерявшая окончательно самообладание Ольга, наконец, повернула ногу и выдернула её из сложенных, как обычно при похоронах, по правилам, рук покойника на груди, и убежала, чуть не плача...

Долго обсуждали это событие на кладбище, а соседка баба Вера, когда мы ей всё рассказали, тихо и задумчиво ответила:

– Ой – я – ёй! Не к добру это! Плохое предзнаменование для девчонки! Видать, покойник зовёт её к себе!

Уже через два года, узнав судьбу Ольги Гуселетовой, я сразу вспомнил об этом случае. Ольга в расцвете сил умерла от надсады, подхватив на вилы неподъёмную копну сена. Кровь хлынула горлом, и она сразу же скончалась. А какая крепкая была! Не было ей равных по силе – даже среди мальчишек! Жаль её...

Так вот, про кладбище, водяных, домовых, леших и чертей мы любили послушать, забравшись поздними вечерами, для большего страха, под наш мост.

Тёплая летняя ночь. Миллионы звёзд на Млечном Пути таинственно и жутко подмигивают стайке притихших мальчишек и девчонок. Бледная луна наводнила всё вокруг неясными и жуткими тенями. Глаза испуганно всматриваются в пугающие переливы, бормотание струй воды речки. Нам кажется, что вот там, среди вздрагивающих от течения камышей, тростников, водорослей за нами подглядывает водяной. Вот он поднимается, чмокает и вдруг шумно падает опять в воду, заставив замереть на полуслове рассказчика, и съёжится всех в комочки! Оказывается, это щука разгулялась на ночной охоте...

Прижавшись тесно друг к другу, и забравшись на сухой откос к самым брёвнам – накату моста, мы слушаем искусного рассказчика в таких делах – Верку Мишину. Приглушённым голосом она бает:

– Возвращалась позавчера бабка Масленничиха из Хохловки домой поздно ночью. Задержалась там у родни. Тары – бары, растабары. Кинулась – уже около полуночи. Оставляют её ночевать – бабка ни в какую не хочет! Пошла в ночь пешком. Душно. Днём дождь прошёл –

тепло, как в бане парит. Подошла к Тетеринке уже за полночь. Темным – темно: хоть глаз выколи! И тишина гробовая... Жутко ей стало. Пошла потихоньку, на цыпочках, по сторонам не смотрит, идёт – не дышит. Вот уже прошла половину кладбища и вдруг сзади шорох. Оглянулась и обмерла: белый, белый мертвец стоит в пяти шагах и скалится. Задрожала всем телом бабка и кинулась бежать – белый мертвец за ней! И всё это молча, тихо, только свист негромкий сзади и шорох, как листва шумит. Бабка из последних сил бежит, а мертвец уже рядом, стонет с придыханием. Наконец, не добежав до неё, начал затихать и остановился. Оглянулась Масленничиха уже у крайней избы ни жива, ни мертва! А покойник уже отстал, колышется в темноте, и как облако растаял.

Долго молчим...

– Да, я об этом сегодня тоже слышала —

– тихо говорит Лерка Аюкова:

– Бабка-то лежит в постели пластом после той ночи, не может отойти от страха. Мать была у неё.

– Ребята! А может это был и не мертвец. Я слышал, что в тёплые, влажные ночи из могил выходит метан, и если человек попадает в это облако газа, то он начинает светиться и принимает контуры человека. Идет, бежит человек – и его след за ним! Вот и всё!

Верка раздражённо замечает:

– Шурка! Тебе бы только всё упрощать. Если ты такой смелый и ничему не веришь – иди сейчас же на Тетеринку, и принеси табличку с могилы Лизки Дроздовой. Она там еле держится на ржавом гвоздике.

– Ну, уж! Иди сама!

– А месяц назад слышали, как там напугалась Дина Дубейко?

Это вступает в разговор Ирка Чадаева.

– Вот также поздно вечером подошла к Тетеринке она, тоже где – то задержалась. Страшно, ноги не идут, дрожь в теле. Невмоготу дальше идти. Присела у дороги в лопухах и чуть не плачет. Что делать? Как пройти кладбище? Оно на пригорке между двух речек – Шегарки и Тетеринки. Не зайдёшь никак в село – только через него! Тишина, но ветерок чуть тянет со стороны кладбища. И вдруг слышит, как бы разговор там. Глянула – с горки спускаются два белых покойника! Волосы у неё поднялись дыбом, а они всё ближе – и нет у неё силы встать! Вот уже совсем рядом покойнички – зашла от страха тётя Дина и как заорёт благим матом! А это, оказывается, ехал тихо (там же пыль по колено), на подводе дед Кишишев. Он сидел между двух белых бидонов со сливками – вёз в Пономарёвку. А ей показалось, что это мертвецы. Так она своим криком не на шутку перепугала деда – чуть не умер тот тоже от страха! Как узнал он её, начал материться почём свет зря. Затем успокоился, развернул телегу и отвёз её во Вдовино до первых изб...

– Это что! Вот послушайте, что там случилось в прошлое лето.

Это начинает Ирка Чадаева:

– Шёл поздненько также из Лёнзавода наш сосед белорус Кадол. Сильно подвыпил, песни поёт. Луна на небе, светло вокруг. Уже полночь была, когда дополз до Тетеринки. Вдруг слышит Кадол, что кто – то ему подпевает и как бы похрюкивает. Оглянулся, сзади идут две огромные белые свиньи и повизгивают. Не робкого десятка Кадол, но чудно ему стало, и он перестал петь, посторонился и присел с краю дороги. Свиньи прошли рядком, пригнув головы к дороге – и никакого внимания на Кадола! Прошли они, растаяли в темноте. Поднялся Кадол, уже не поёт, пошёл опять, только удивляется:

– Ну и ну!

Уже было прошёл кладбище, глядь – чудо! На дороге сидит девочка, голову наклонила к коленям, белые, белые волосы светятся при луне, рассыпались по плечам и всё закрыли. Сидит девочка и тихо – тихо стонет.

– Откуда ты здесь, и что с тобой, детка?

– спрашивает бедный белорус, рукой откидывает волосы и поднимает личико. И тут хмель разом выскочил из него и мурашки пошли по телу! На Кадола зло смотрели мёртвые светящиеся, кровавые глаза, из которых выползали черви...

Вдруг страшный грохот раздался над нашими головами – как будто небо расколосось! Все враз закричали, вздрогнули, прижались друг к другу, испуганно крестясь. А через мгновение отошли, рассмеялись недружно. Оказывается – это проехала по мосту запоздалая телега...

Уходить неохота, а надо, уже поздно. Помолчали. В реке сильно плеснула щука.

– А ведь правда, ребята, что в Силаевском омуте живёт водяной с русалками, а бабка Силаиха превращается в двухметровую щуку и играет с ними в хороводы

– задумчиво произносит Толька Горбунов.

И, правда, мы никогда не купались в Силаевском омуте, никто ни разу не переплыл его, никто не мерил его глубину – все боялись этой щуки. Видели её не раз, и многие. На глазах у рыбаков она утаскивала под воду не только селезней и диких уток, но и редких, пролётом, крупных гусей, садившихся отдыхать на три Силаевских омута.

– Вот что, ребятки, я вам расскажу, какая страшная история приключилась там

– вступает в разговор Колька Верёвкин.

– Как-то сидел на этом омуте допоздна с удочкой дед Саватеев. Почему-то не клевало, и он задремал. Вдруг слышит сквозь сон, что кто-то зовёт его из воды. Так явственно слышится звук со стороны реки! Посмотрел туда – посреди омута большая воронка образовалась и тихо-тихо движется к нему, всё более углубляясь. Дивно ему стало, а из воронки вдруг появляется...

– ужасный дикий хохот раздаётся над нами и заставляет рассказчика замереть на полуслове! Это огромная сова бесшумно залетела под мост и уселась напротив нас на центральной опоре! Девчонки не выдержали, пырнули из-под моста, а за ними, сломя голову, летим домой и мы.

Дрожь под одеялом долго не проходит. Всю ночь снятся черти, ведьмы, и всякие гады.

А встречи с нечистью не прошли даром для бедолаг (правда, не для всех).

Масленничиха умерла через три дня, Кадол тоже скончался от чахотки в эту осень. Дед Саватеев последнюю зиму чихал по утрам на всю деревню – весной его не стало...

Упыри

Сибирь. Глухая тайга. По обоим берегам красивой лесной речки Шегарки раскинулось наше село Вдовино, где прошло моё детство. До областного города 250 вёрст. Кругом болота. Дорог нет. На быках ездили только по зимнику. Первые послевоенные годы. В избах только лучины, лишь у председателя сельсовета и председателя колхоза семилинейные лампы. Электричество и радио появились в селе только в 1951 году. Надо ли говорить, что народ в селе в основном неграмотный, забитый, верующий. В деревне часто происходили необъяснимые явления, и мы все истово верили, что существует нечистая сила и её вождь – сатана, и старались избегать их. Колдовали и гадали все, начиная от детей, и кончая стариками.

На деревне тема нечистой силы, ведьм, чертей, домовых, русалок, водяных, леших, кикимор, вурдалаков и приведений была самой неиссякаемой. Я очень любил слушать про всё это – было страшно, но интересно. Причём, все верили в это, и я убеждался не раз, что всё это неспроста. Многим явлениям, о которых я расскажу, до сего времени не могу дать оценки.

Мы не имели постоянного жилища и часто меняли квартиры. Кому хотелось держать мать с двумя малолетними сорванцами – уркаганами? Так вот – жили у одних сибиряков. Долгими зимними вечерами, когда выла пурга в трубе, мы лежали на тёплой печке все вместе, с их старшей дочкой Клавкой. На ночь она всегда что-нибудь рассказывала страшное, пугая нас ведьмами и чертями:

– Слышите, как ведьма с анчуткой воет в трубе? Тише, тише! Слышите? Кто-то шуршит за печкой! Это запечник – домовый! Он лежит за печкой (там его дом) и слушает, что мы говорим.

И, правда! За печкой был длинный узкий чёрный канал, который был неизвестно для чего. Мы от страха затыкали его старой одеждой или тряпками, но всё равно там постоянно кто-то шуршал. Позднее мы узнали, что во всех избах сибиряков есть такой канал за печкой. Люди и впрямь верили, что там живёт домовый и каждый раз перед едой, помолившись, ему первому бросали кусок хлеба.

Мы со старшим братом уже были в детдоме, а мама стирала бельё для детдома, и жили в прачечной – низенькой бревенчатой избе со слюдяными маленькими окошками. Мы часто забегали к ней.

Как – то мать встретила меня встревожено и со слезами:

– Коля, сегодня ночью меня чуть не задушил домовый!

– Как это?

– Легла поздно ночью, много было стирки. Перед тем, как ложиться, вышла на улицу. Ти – и – хо в деревне, даже собаки не лают. Только полная луна ярко светит, бледно – бледно всё вокруг... И так что – то жутко стало мне от этой луны. Вошла назад, в сенцах крючок накинула, и только дверь в прачечную открыла – вдруг как загремит таз с печки! Затряслась, испугалась я сильно – с чего это он упал? Никого же не было! Кошку я не держу, кто бы это мог таз уронить? Потушила лампаду и быстрее на лавку – постель у печи. Накрылась с головой старой дохой, что дал Вахонин. Лежу, дрожу и вроде стала засыпать. И вдруг явственно слышу, вроде, спрыгнул босиком кто – то с печки. Мне жутко – страшно кричать, не кричать? Ой, боже мой, шаги. Ти – и – хо идёт ко мне. Вот уже близко... дыхание, медленно ложится рядом, легонько отталкивая меня. Сковало всю, оцепенела от страха, а руки волосатые, холодные тянутся к горлу и сжимают, сжимают всё сильнее... Заорала, закричала я и сверхъестественным усилием сбросила огромную тяжесть домового... Исчез он, и только за печкой раз-

далось – КХУУУУ! Проснулась я, зажгла лампадку, трясусь, оделась и убежала из прачечной ночевать к Ольге Шарандак. Колечка! Что же делать? Я теперь боюсь здесь ночевать...

Я, как мог, стал утешать мать, а сам опасливо поглядывал на печь:

– Мама! Да это тебе, может, приснилось. И вот что я слышал от местных. Домовых и леших в лесу здесь, правда, хватает. Бояться их не надо – они в каждом доме живут. И вот, если он пристаёт к тебе, надо спросить – к худу или к добру ты здесь, бабушка?

Вспоминаю рассказ Татьяниной – молодой красивой женщины:

– А вы знаете, что в нашей деревне живёт Вихо – ведьма? В самом крайнем доме, как идти на Жирновку, проживает старая бабка Силаиха. Видели её? Костлявая, чахлая, кутается в чёрные шали, на людей не смотрит, и ни с кем не разговаривает. Притворяется больной и немощной, а на самом деле ночами водит хоробы с русалками и утопленниками на трёх омутах рядом с её домом. Их так и зовут – Силаевскими. Часто она превращается в гигантскую двухметровую щуку и живёт в этих омутах. Может также превратиться в волка, собаку, чёрную кошку, змею. А недавно я захожу в хлев, смотрю – ужас! Две огромные чёрные жабы висят на сосках вымени нашей коровы и высасывают молоко. Раздулись, как шар, а корова плачет – слёзы катятся из глаз. Я, хоть и страшно испугалась, но выхватила грабли и давай бить ими жаб. А они вдруг соскользнули с вымени, и превратились в две чёрных гадюки. Свернулись колесом, и на меня! Я захлопнула дверь, и бежать от них!

Инка Пономарёва подхватывает:

– Это всё проделки Вихо! Это Силаиха! У меня тоже был такой случай. Как – то смотрю: уже поздно вечером забралась к нам в огород огромная чёрная свинья. Чёрти что? Чья она – не знаю! Я её выгнала из огорода, огрела дубиной, гоню потихоньку через ручей от Волковых на край села ко двору Силаевых. Густая крапива, лопухи, конопля и сумрак сплошной. Исчезла вдруг свинья! Куда она делась? Я уже только хотела вернуться назад – вдруг неожиданно свинья оказалась рядом, остановилась, повернула голову ко мне и так жутко смотрит на меня. Блеснули у неё глаза огоньком, страшно мне стало, волосы вмиг стали дыбом. А свинья оскалилась, жёлтые клыки покрылись пеной. Я как заорала не своим голосом, и бежать от неё! А свинья за мной! Еле успела заскочить в дом...

После этих рассказов я страшно боялся встретить бабушку Силаиху. И всё-таки эта встреча произошла! Мы любили удить рыбу, но всегда не ловили её в Силаевских омутах, боясь бабки – ведьмы. По весне выплывают к берегам реки щуки погреться после долгой зимы. Стоят тихонько в полуметре от поверхности воды и греются на солнышке. Вот мы их и силили. Заводишь тихо проволочную петлю за жабры и резко дёргаешь вверх.

В начале июня у меня произошла встреча с двухметровой щукой, обитавшей в Силаевском омуте. Как уже упоминал – её видели многие и все уверяли, что это бабка Силаиха превращается в щуку огромных размеров, чтобы утащить какого –нибудь зазевавшегося парнишку или девчонку в омут.

В то утро шёл с Витькой Шестаковым по берегу Шегарки вверх к Жирновке. Шли мы по левому берегу с удочками в руках и на всякий случай к концу удилиц были привязаны и петли из проволоки для силения шук. Было раннее лето и щуки после долгой зимы весьма охотно «вылезали» погреться на солнышке, постоять, подремать у берега. Обычно знаешь эти места, любимые щуками. Подошли тихонечко к третьему омуту и в полынье из разводьев пёстрой щучьей травы, где обычно стоят разбойницы, ничего не увидели. Но что – то было непонятно нам! Обычно светлая полынья длиной более полуметра в окружении трав на этот раз была вся чёрная. И тут я, внимательно всматриваясь в это место, и не понимая, что это там, вдруг вздрогнул всем телом. Из воды на меня зло смотрели строгие, величиной с небольшое

блюдец, щучьи глаза! Всё это место, обычно занимаемое небольшими или средними щуками, на этот раз было занято огромной головой и частью чёрной спины гигантской щуки! Остальная часть тела и хвост были невидны в тени водорослей. Хищный нос, огромные жёлтые глаза, на гигантской голове течение шевелило древний мох! Страшное зрелище! Витька Шестаков тоже увидел щуку. Нас обоих охватил озноб. Витька горячо зашептал мне на ухо:

– Вот это да! Ой, какая щучара! Это Силаиха! Сейчас выпрыгнет и утащит нас в воду!

– Давай назад!

– одними губами просипел я. Глядя замороженными глазами в жёлтый свирепый глаз ведьмы, мы тихо попятились наверх, стараясь не шуметь. На самом вершине берега от сердца отлегло – теперь щука не достанет нас! Нашими тонкими силками и нечего было думать силить её. Она бы просто порвала их. Да и вдвоём мы бы ни за что не вытащили это чудовище!

Витька говорит:

– Колька! Что смотреть? Мы её ни за что не вытащим. Бежим к Ивану Крылову. Он знает в этом деле толк. Тем более, его дом недалеко. Погнались?

Прыжками понеслись во Вдовино, перелетели через висячий мостик. На наше счастье Иван был во дворе и рубил дрова. Задыхаясь от быстрого бега и волнения, наперебой затараторили:

– Дядя Ваня! На Силаевском омуте стоит здоровенная щука! Таких у нас на Шегарке отродясь не было! Вы можете поймать её, а мы просто испугались такую щучару!

Иван поверил нам и быстро собрался. Достал толстенную проволоку и привязал её к тонкой жердине. Мы на радостях похохатывали – нелегко придётся теперь нашей «знакомой»!

Прибежали. Щука ушла! Её нет! От злости Иван выругался и далеко швырнул в воду жердь – удилище, а мы чуть не заплакали от обиды.

Но сосед Шмаков всё-таки подстрелил Силаиху! Рассказал как-то нам:

– Видел вашу знакомую щуку. Слушайте. Как-то охотились с братом. Подстрелили из малопульки двух рябчиков, идём к деревне Подошли мы с к омутам. И вдруг смотрим – от берега пошла какая – то рябь и тень в воде. Остановилась. Пригляделись – в воде бревно. Господи! Да это же огромная щука! Метра два или больше! Глаза жёлтые, злые – с чайное блюдце! На огромной голове древний мох шевелится. Страшно стало нам. А щука – бревно насмотрелась на нас и тихо – тихо уходит вдоль берега вглубь. Мы стояли, как замороженные. Опомился я, схватил малопульку, прицелился в жёлтый глаз щучары – старухи древней и выстрелил. Буря поднялась в воде, как граната взорвалась! Ушла щука! Ждали, смотрели минут десять, даже прошли вдоль берега. Нет, не всплывает! Живая осталась, видно.

После этого случая никто долго не видел Силаиху. Только через полгода она как-то зашла в сельмаг. Все ужаснулись от её вида! Один глаз вытек, и от этого и без того отвратительное лицо ведьмы стало ещё страшнее.

В это же лето исчез Шмаков. Пошёл на охоту в тайгу, и не вернулся. Сколько его не искали – пропал человек!

Прошли первые дожди, и в конце июня разразилась ужасная гроза. Всё чёрное небо в сполохах, канонада такая, что всё дрожит, а вода идёт по улицам ручьями. А мы рады дождю, молнии, грому и я пою:

– Дождик, дождик, посильней! Пригони моих свиней! Свиньи пасутся, пастихи дерутся!

А брат Шурка вторит:

– Гром гремит, земля трясётся! Поп на курице несётся!

Отчим отвесил обеим затрецины:

– Вы что гневите Бога? Разве можно так говорить в такую погоду? Ой, не к добру всё это!

Мы тоже присмирели. Окна закрыты ставнями, двери на засов, страх Божий! Деревня как вымерла. Ни одного огонька, собаки молчат, кажется, конец света наступил. Филипп с матерью серьёзные, молятся на икону с лампадкой, вздрагивающей от ударов, раскатов грома. Отчим косится на зашторенные окна, шепчет вместе с молитвой:

– Боже! Спаси нас и сохрани! Господи, отведи беду! Спаси нас и помилуй!

Наконец, проясняется, но, несмотря на ещё льющийся дождь, все выбегают из изб, гонимые тревожными ударами в рельс.

На деревне бушуют три пожара, убило молнией бабку Смирнову, а также племенного бугая на ветлечебнице, а здоровенный кобель у Татьянинных сторел дотла вместе с цепочкой. Шегарка бурлит так, что вода идёт поверху моста, а некоторые избы стоят на метр в воде. Все эти новости мгновенно передаются из уст в уста. Мы прибегаем к Смирновым. Несколько мужиков с лопатами спешно на пригорке выкапывают яму, несут, закапывают по грудь белую, как полотно, бабку в свежую землю. Но она так и не ожила. Женщины крестились и шептали:

– Илья-пророк проехал на колеснице по небу! Видать, чем-то Прасковна прогневила Бога!

Я уже упоминал, что на деревне все колдовали и гадали – от мала до велика. Особенно перед Новым Годом, Рождеством и Крещением. Мы – подростки также гадали. В большую тарелку наливали воды, и каждый

бросал свою спичку, помечая её. Затем бормотали молитву-присказку и вращали воду быстро, быстро. Часть спичек выплескивалась наружу, часть застревала на стенках, некоторые становились дыбом или тонули. Самая умная – Ирка Чадаева поясняла:

– У каждого в наступающем году своя судьба! Это может быть и ошибкой. Давайте проверим другой игрой! Объясняла подробно.

Каждый комкал свой лист бумаги. Затем поочерёдно кидали их на подставку и поджигали. В комнате тушили свет. Сгорая, пепел от бумаги на стене давал причудливые тени, в которых угадывали избу, фигуру человека или зверя, домашних животных, машину, волны моря, паровоз и т. д.

Больше всего все боялись, чтобы тень не высветила гроб. Говорят, через несколько лет на таких Новогодних гаданиях нашему однокласснику Гришке Круковцу высветился отчётливо гроб! Все ужаснулись и, как всегда, потом забыли. Но летом неожиданно Гришка заболел какой-то неизвестной болезнью и умер.

Гадая, мы все фанатично верили, что всё это правда! Для каждого это было предсказание судьбы, каждая тень, фигура предсказывала будущее.

Ранней весной я столкнулся с заговорами. Соседка Долгополова упростила меня:

– Колька! Как только сойдёт лед, поймай мне чебака – я тебе дам два рубля! Мне очень нужна живая рыба!

– Тётя Шура! Два рубля – это целое богатство. Можно купить килограмм глазурированных пряников. Заманчиво, но рыба ещё не клюёт. Пока лёд не сойдёт, бесполезно рыбачить. И для чего вам рыба? К чему такая спешка?

– Не твоё дело! Мне до Троицы нужна живая рыба. Иди, лови!

Мы с братом были в недоумении – такое было впервые! Но что делать? Срочно наладили с Шуркой две удочки, и пошли рыбачить. Час, другой стоим – не клюёт. Ни разу даже

поплавок не дрогнул. Течение быстрое, вода мутная, кое-где ещё идут льдины и горы мусора. Поплавок из тростинки теряется, еле видно. Мы нервничаем. Шурка не выдержал:

– Всё! Я пошёл домой! Всё это без толку, клевать ни за что не будет!

Мне хочется угодить соседке, а, заодно, поесть пряников, и я перешёл ниже, стал удить в тихой заводи около Волковых и Аюковых. Здесь было глинище, и в Шегарку впадал Силаевский ручей.

Только закинул удочку и вдруг, с заходившимся сердцем, вижу, что поплавок дрогнул, покачнулся и затем резко ушёл в тёмную глубину. Подсёк – вытащил огромного серебристого чебака! Уже на берегу он соскочил с гладкого крючка и еле успел его поймать у самой воды! Холодное тугое тело чебака сжал, прыгая от радости. Оранжевые плавники, судорожно раскрытый рот, золотистая чешуя – как прекрасен сибирский

чебак! Прибежал к соседке. Она на радостях поцеловала меня:

– Молодец, Колюшок!

Дала два рубля. Быстрее ставит сковородку в печь и выгоняет меня из дома:

– Всё, всё! Иди домой!

Я смекнул, что тут что-то не то! Непонятная спешка с рыбой, и меня выгоняет из дома...

Решил подсмотреть, что будет. Тихонько вернулся, залёг на завалинке и стал подглядывать через мутные нижние стёкла окошек.

Тётя Шура развесила, разложила на столе штаны, рубахи, положила сверху несколько каких-то фотографий, вытащила из печки раскалённую сковородку, поднесла её к одежде и фотографиям. Губы бормочут не то заклинания, не то молитвы. Вдруг выхватывает из кастрюли живого чебака и бросает

на раскалённую сковородку. Он как подпрыгнет! Она подбирает его с пола и снова бросает! Чебак задымил, загорелся – копоть, гарь в избе коромыслом!

И надо же! Помог Долгополовой мой чебак! Присушила она местного охотника Яшку Дроздова, и он ушёл от своей прежней жены к ней навечно!

После Пасхи на деревне начинают катать и играть в яйца. Кто проиграл – отдаёт его победителю. Самый заядлый игрок Васька Зыкин. Вроде все проиграл, смотришь, опять идёт, выискал острое, как торпеда, яйцо и заранее хохочет. Васька – вылитый Петька из картины «Чапаев»! Курносый, весь в веснушках, чуб вихром, в сапогах и галифе, как взрослый мужик! Васька любил пошутить,

поиздеваться над своей подслеповатой бабкой. Вот Васька делает вид, что потерял пенал для ручек. Нарочно как бы ищет его и громко кричит:

– Чёрт, чёрт, поиграл, да отдай! Чёрт, чёрт, поиграл, да отдай!

Бабка при упоминании чёрта пугается, крестится, хватает деревянный половник и гоняется за хохочущим Васькой:

– Окстись, окаянный! Разве можно его упоминать? Бог накажет!

Ещё Васька любил заводить бабку по другому поводу. Возьмёт вареную картофелину и ест её с острия ножа. Бабка сердилась и говорила:

– Васька! Что ты, стервец, делаешь? Не дай Господь, сатана увидит! Толкнёт под руку и нож в грудь!

А Ваське только это и надо. Он ещё больше распаляется, хохочет, распахнёт рубашку, приставит нож к голой груди, наступает на бабку и даже гоняется за ней:

– Ну, где твой чёрт? Пошто он не толкает нож? А? Чёрт! Где ты? Нет, бабаня, никого на свете – ни чёрта, ни Бога!

При последних словах бабка окончательно выходит из себя, вырывает нож из рук Васьки и наносит мощную затрещину.

Милый Вася! Зря, видать, ты гневил свою бабушку и Бога! С огромным сожалением я через много лет узнал, что мой деревенский друг Васька Зыкин был зарезан ножом во время пьяной драки...

Уже к весне по деревне прошёл слух, что у Ивановых ночью был домовый. Якобы, исчезла сука с кутятами. Она жила под печкой, где обычно живут в деревнях домовые. Но ещё страшнее было известие, что домовый якобы оставил свои следы на полу в хате. Вся деревня ринулась к ним. Мы с Гришкой Круковцом и Верёвкиным Колькой тоже пришли посмотреть. Из избы выходили какие – то бабки, крестясь и охая. Зашли и мы в хату. От ужаса обмерли. Прямо по центру комнаты кровавые красные следы от печки – вроде человек босой прошёл! Дед и бабка стоят на коленях перед иконой с лампадой и неистово молятся, кланяются. Выбежали мы перепуганные, навстречу другие идут. Гришка захлёбывается:

– Видели, какие огромные следы? Кровавые. Ужас, здоровый какой домовый! К чему бы это, ребята? Как он не задушил деда и бабуку?

– А куриные следы на золе у печи видели? Ведь курей они не держат в избе. Откуда это?

– Да, дед с бабушкой не похожи на шутников. Угрюмые оба всегда. А собака куда делась с щенками?

– Тут что – то не то! Страшно всё это! Вон, все бабки говорят – к худу это!

Мы ещё долго обсуждали это событие. Но всё вроде прошло, и забываться стало, как уже в апреле опять вся деревня толпилась у хаты Ивановы. Они оба угорели насмерть.

Бабки крестились и шептались:

– Это домовый закрыл им заслонку печи! Чем – то обидели они его...

В эту осень, мы узнали впервые вкус королевы всех местных ягод – клюквы. О клюкве мы и до этого много слышали, но теперь, повзрослев, стали ходить за ней сами. Собралась компания из пятнадцати ребятшек и девчонок. Повёл всех нас в первый раз на клюквенные болота отец Кольки Верёвкина. Он собрал всех, оглядел, покачал головой:

– Да, ребяташки! Собрались вы, как на банкет! Обувь, одежда, никуда не годятся! Сапоги, плащи на фуфайки – вот что надо! А еду хоть взяли? В поход идём на два дня, километров пятнадцать отсюда до болот клюквенных. Ну ладно, что делать... Условие одно: слушаться меня, не разбредаться. Когда будем идти по болоту – только шаг в шаг! Там уже не один утоп в трясине! Да и леших, кикимор, моховиков полно – можно заблудиться. Ну, двинулись!

Его слова об утопленниках и леших не на шутку напугали многих. Но отступать было как – то стыдно. Тронулись гуськом. Сначала дошли до деревни Каурушка – это километров шесть от Вдовино, слева от Шегарки. Заночевали у какого – то знакомого Верёвкина. Было уже холодно и нас не пустили на сеновал, сколько мы не просились. Пришлось всем спать в тесноте, вповалку на полу в большой просторной комнате, на чём придётся. Промаявшись всю ночь, мы с радостью вскочили, чуть только забрезжил рассвет. Сразу вышли за крайние избы и окунулись в сырой, зыбкий, бесконечный туман. Ноги мгновенно промокли, на осоке роса, да и под ногами чавкало. Холодно, зябко, ничего впереди не видно. Как это Верёвкин знает дорогу в этом белом безмолвии? Подкрепились, и сразу стало ещё светлее – показалось солнце, и стал отступать туман. Поднялись, пошли гуськом, все повеселели. Так прошли с полчаса, и вдруг редкий лес отступил – мы оказались на краю огромного болота. Трудно описать впечатление от увиденной картины! Из густого белого тумана, низко стлавшегося над кочками, выступали редкие одиночные верхушки карликовых берёзок. И это увиденное, на всём пространстве, насколько хватает взгляд! Все восхищённо замерли и молчали, потрясённые. И вдруг встрепенулись, зашептались:

– Т-с-с-с —ы! Тихо, тихо! Смотрите, сохатый!

И впрямь – чудо необыкновенное! Боком к нам величаво выплывал необыкновенный лесной зверь – лось. Ноги его скрыты были туманом, и он как бы плыл по белой вате, величаво неся красивую гордую голову с огромными ветвистыми рогами. Величественный красавец – зверь прошагал, проплыл беззвучно совсем рядом, и скрылся в лесу. Оторопелые, мы долго не могли забыть это зрелище! Расспросы, рассказы о лосях долго еще продолжались среди нас. Верёвкин прервал наши разговоры:

– Итак, ребяташки, пришли! Начинаем сбор клюквы, здесь её уйма! Напоминаю – далеко не разбредаться, на открытые места, где не растёт трава – не лезть! Там трясына, может засосать. Клюквы набирайте столько, сколько можете донести, чтобы не пришлось потом высыпать. Помните – дорога долгая, не жадничайте! И, главное, не кричите! На ваш голос может откликнуться аука – эхо. Это голос из другого мира. Он может вас заманить в трущобу, а там вас защекочат кикиморы, матохи, жмары и лиходеи.

Нам было страшно от этих слов!

Клюква росла прямо на мху поодиночке и группами, и чем дальше вглубь болота, тем крупнее и обсыпаннее кочки красной яркой ягодой. Рвать её руками легко и приятно, особенно, когда мох чист и нет травы. Некоторые ягодки ещё румяные с одного бока или совсем белые, ну, а в основном, кругом красное море твёрдых, холодных, кисло – сладких ягод. Только не ленись – чаще наклоняйся и работай руками! Клюкву набираем в мешок, который потом перегибаем, перевязываем пополам и несём на двух плечах. Набрали быстро, отдыхаем перед дорогой, набираясь сил. Интересно на клюквенном болоте! Подпрыгнешь вдвоём, втроём на одном месте – всё кругом задрожит, вздрогнет далеко, даже берёзки зашатаются. Видно, находимся как бы на корочке – пенке, а внизу что – то жидкое и вязкое. И впрямь, попадались открытые пространства, на которых не росла ни одна травинка – это была трясына.

Нашли мы с другом Афонькой большой корень и кинули в такую полынью. Чмокнуло, пошли пузыри, пенёк медленно засосало, и он исчез. Все сгрудились, смотрели, а Верёвкин мрачно сказал:

– Леший утянул! Вы знаете, в каждой такой яме живёт болотный леший и к нему лучше не попадаться. Леший похож на человека, только у него жабры, как у рыбы. Весь зарос мхом, водорослями, глаза выпуклые, как у лягушки и ночью светятся, лапы длинные и когтистые.

Мы испугались и кто – то спросил:

– А откуда вы это знаете? Разве кто –нибудь видел лешего?

– Как не видеть? Видели многие, особенно в старину. Мой дед, например, много раз рассказывал. Сейчас – то леших стало меньше в болотах, не знаю, почему. А раньше – тьма!

– А когда в последний раз кто –нибудь видел лешего? Расскажите.

– Когда, когда! Да в прошлом году! Пошли три Каурушинские бабы за клюквой, как вот мы сейчас. Да пожадничали – зашли далеко и заблудились. Ходят – ходят, и словно всё время неведомая сила их водит по кругу и возвращает их к огромной, круглой, вот такой же луже – трясыне. Уже стемнело, бабы заробели, крестятся, сели на кочки, чтобы успокоиться. И вдруг раздался тяжкий вздох рядом, а над головами перепуганных женщин пролетела, захотала дико огромная сова. Засветились тускло два бледных пятна света из трясины, и дрогнули кочки под ногами бедных женщин. В ужасе вскочили несчастные, побросали свою клюкву и побежали что есть мочи в разные стороны. Только днём вернулись две женщины в Каурушку, а третья – молодая, исчезла. На третий день только нашли её красную косынку – лежит с краю той злополучной трясины...

Потрясённые, мы выслушали этот рассказ! Сразу расхотелось здесь находиться, и мы засобирались домой.

Раз восемь я ходил за клюквой в те годы на Каурушинское болото, но, то – первое посещение запомнил на всю жизнь!

И ещё два случая. Наступила зима. Одно такое воскресное утро запомнил на всю жизнь. Почему – то я встал чуть свет, не позавтракал, спозаранку побежал проверять петли на зайцев. Было ещё темно. Морозно. Тихо, тихо. Подхожу к повороту, где Шегарка уходит к Жирновке. А на самом повороте, рядом с мелколесьем, всегда стояли высоченные четыре берёзы. Глянул и ахнул – все берёзы от низа до верха облеплены чем – то чёрным! Шевелятся! Подошёл поближе – огромная стая тетеревов сидит на всех четырёх берёзах. Тысячи, да, тысячи птиц уселись на всём околке и рядом с берёзами! Птицы величиной с крупного петуха сидели на нижних ветках, и рядом со снегом, посередине и на самом верху деревьев. Всё было черным – черно! Такого зрелища более в жизни никогда не видел! И раньше и позднее, встречал стаи косачей по десять – двадцать птиц и не более! Здесь же были тысячи! Остановился, поражённый. До птиц было сто пятьдесят, затем сто метров, уже пятьдесят – птицы и не думают взлетать! Лихорадочно соображаю:

– Откуда они взялись здесь? Может, огромной стаей перелетают куда – то? Может, где – то для них было голодно, и они прилетели к нам? А может, какая – то сверхъестественная сила собрала их со всех лесов?

Эти мысли проносились в моей голове. Крупные чёрные птицы сидят молча. Я начал их считать. Сбивался, опять считаю. Да где там? Разве всех пересчитаешь? Минут двадцать, наверное, стоял заворожённый, боясь сдвинуться. Сердце как будто подсказывало, что такого в своей жизни больше не увижу! Затем, затаив дыхание, двинулся к ним. Вот они уже рядом, но не слетают! Я в замешательстве:

– «Может, всё это мне чудится? Просто сон такой? Может, это неживые птицы? Да нет, они вертят головами, шевелятся. У ближних косачей видны отчётливо даже глаза. М – да – а – а! Что же это такое? Сказать кому, не поверят».

Я уже рядом – тысячи глаз наблюдают за маленьким тщедушным охотником и не боятся меня! Поднимаю лыжные палки, прикладываю к плечу, как ружьё, якобы прицеливаясь:

– Пах! Пах! Пах!

Хоть бы что! Мне по – настоящему становится страшно:

– «Почему они меня не боятся? А-а —а! Понял! Это маленькие черти, навьи, нежити слетелись со всей округи! А вдруг они сейчас все разом слетят на меня? Вон, у Шестаковых один только петух, а никого не боится. Кидается драться даже на взрослых. А Польку Зыкину так гнал со двора, что всю фуфайку со спины порвал. Ой! Растерзают они меня сейчас, расклюют!»

А тишина, как назло, невероятная, никого вокруг, даже лая собак в деревне не слышно. Только белое безмолвие, да тысячи огромных чёрных чертей – птиц окружают меня. Струхнув не на шутку, отступаю медленно, приготовив палки для защиты, и всё время оглядываюсь.

Так и не пропустили меня в это утро непонятные птицы к заячьим петлям!

Уже в апреле, когда снег стаял более чем наполовину, пошёл проверять последний раз петли на зайцев. Подхожу к тому месту, где должна была стоять давно потерянная короткая медная петля и вздрагиваю – огромный заяц стоит в осиннике на задних ногах и смотрит угрожающе на меня. Притом, глаза выпучены и зубы оскалены! Жутко мне стало. Заяц стоит на двух ногах, как человек, чуть покачивается, не бежит от меня, а молча, поджидает! Я струхнул не на шутку, волосы стали дыбом! В голове мелькнуло:

– Чур, чур, меня! Господи, что это? Точно! Это дьявол, леший или чёрт в образе зайца! Бежать немедленно отсюда!

Жуткое зрелище! Большой заяц растянулся во весь рост в осиннике и, вытянувшись, как бы прислушивается к чему – то. Я понял – он не пускает больше меня в этот густой молодой осинник, где я выловил уже несколько его родичей. Больше я не ходил туда. Здорово напугал он меня!

В декабре, когда уже во всю завывала пурга и длинная, долгая ночь сменялась коротким зимним днём, отчим крепко простудился. Перед этим Пастухов где – то крепко выпил и уже затемно поплёлся домой. Серый дневной свет лишь на пять – шесть часов приоткрывал засыпанную снегом глухую сибирскую деревню. Темно. Пастухов, еле переставляя ноги, заблудился, свалился в огромный сугроб, где его окончательно засыпало и лишь на утро нашли и откопали. Уже позже, через год, он всё вспомнил и рассказал, как было:

– Иду, задыхаюсь. Метель прямо сечёт в глаза. В голове сверкают молнии. И вдруг вижу явственно – рядом возникли черти! Их было много! Они толпились передо мной, визжали своими свинными рылами, копытами били по ногам, волосяными руками, когтями рвали мою шубу, хлестали хвостами, наклонялись и швыряли снег в глаза! Я – то, вы знаете, искренне верю в Бога. А тут, как увидел чертей, понял, что это неспроста! Отрезвел мгновенно и понял, что если сейчас от них не уйду – будет конец! Оглянулся – как назло ни души! Ни дороги, ни одной избы не видно, ни свету, ни дыма из печных труб, и вообще ничего не видно! Где я – не пойму! Только чернота, метель, визг, да черти толкаются, обезумели совсем. Закружили, заморозили меня, насильно подвели к обрыву и хором хрюкают, визжат: «Бросайся!»

Сопrotивляюсь, думаю:

«Да что это со мной? Это же конец!»

Вспомнил в последний момент, что надо перекрестить чертей! Успел сделать только полкреста. Их сатана кричит:

– «Не дайте ему перекреститься!»

Как навалились они все на мою руку! Не дали до конца их перекрестить. Столкнули меня в глинище, и давай щекотать, валять в снегу!»

Только днём подобрали замёрзшего отчима и еле отёрли, отходили, но он простудил лёгкие не на шутку!

Уже совсем перед Новым годом заплаканная мать привела нас с Шуркой в больницу:

– Отец хочет с вами проститься – умирает.

На больничной койке лежал, задыхаясь, отчим. Его было не узнать! За три недели болезнь превратила цветущего мужчину в настоящего покойника. Отчим осунулся, был небрит, провалившиеся глаза лихорадочно блестели, он хрипел и стонал. Стало жалко Филиппа Васильевича, и я заплакал. Мать тоже заливалась слезами, а Шурка угрюмо молчал. Мы стали на колени перед кроватью и, плача, прошептали:

– Простите за всё нас, Филипп Васильевич!

Отчим перекрестил нас и тихо, тоже плача, ответил:

– Бог простит!

Наутро мать увезла его в Пихтовку, надеясь в районной больнице спасти или хотя бы облегчить страдания.

Уже поздно. Мать кричит:

– Колька! Сколько можно читать? Гасите лампу! Спите!

Тушим свет, фитиль ещё долго коптит и пахнет керосином и гарью. Бежим по очереди к ведру пописать. Я первый пулей залетаю на печку, косясь на заиндевшие светлые окна – на дворе полнолуние. Но вроде какая – то тень прошла в окнах. Я закрываюсь с головой и взвизгиваю Шурке:

– Кто – то заглянул в окно!

Шурке тоже страшно и он также залезает с головой под тулуп, хохоча и пугая в свою очередь меня:

– Слышишь? Кто – то ходит вокруг избы! Скрип слышишь?

Робко выглядываем одним носом из – под старой дохи. Нам кажется, что за окном ходит медведь:

– Скрип – скрип, ногой! Скрип – скрип, другой!

Начинаем прислушиваться к шорохам в трубе, за печкой, за окнами.

Сейчас, после двенадцати ночи, наступило сатанинское время – мы в этом уверены! Черти, ведьмы, лешие и водяные сейчас летают и ходят по селу, а домовые их не пускают в трубу, если они любят хозяина. Затем, немного успокаиваясь, начинаем с Шуркой нащёптывать, фантазировать.

Белый лунный свет залил все окрестности Вдовино. Тишина, как в гробу! Между деревьями перебегают, направляясь к деревне, зайцы. Вот один подбегает к моей петле и, не замечая её, попадает в неё. Гадаем – сколько зайцев попадётся в эту дивную лунную ночь. Наконец, засыпаем.

Ведьма

Случилось это давно. Мы с братом учились в Пихтовской средней школы (я – в восьмом классе, он – в девятом) Новосибирской области и жили на квартире. До областного города – почти 200 километров, и до родного села Вдовино в верховьях речки Шегарки ещё ровно 50. Летом дорог почти не было – вода, грязь, болото и все грузы в верхние сёла Шегарки завозили в основном по зимнику. В районном селе, коим являлась Пихтовка, училось много ребят и девочек из десятка сёл вдоль реки, т.к. там были только школы – семилетки. Жить на квартире вчетвером (были ещё два парня с Пономарёвки – Муковкин и Пирогов) в тесной комнатухе с хозяевами (муж, жена) было очень тяжело и неудобно. Никаких письменных столов у нас не было, как сейчас у школьников (писали, читали на корточках, спали все четверо вповалку прямо на полу на телогрейках рядом с хозяйской койкой и т. д.). Мы с нетерпением ждали зимних каникул, чтобы пойти в своё село и насладиться долгожданным отдыхом. Чем ближе Новый год, тем нетерпеливее мы становились – считали дни и часы.

Двенадцать дней отдыха!

Все решили идти пешком домой завтра – 31 декабря. Всё-таки пятьдесят километров, да ещё трудная зимняя дорога, со всех сторон лес, ночью идти опасно! Закончили занятия 30 декабря около двух часов дня. Идём со школы с Костей Чадаевым. Был морозный, солнечный день. Наконец, завтра каникулы! Все наши разговоры и мысли только о доме, о предстоящей встрече с родителями и друзьями. И, конечно же, Костя мечтает о встрече с Веркой Марченко, а я с Нинкой Суворовой. Всю жизнь по-хорошему завидовал Косте и Вере, пронесшими свою детскую любовь через всю жизнь, и ставшими впоследствии мужем и женой...

Идем, счастливые, болтаем. Вдруг Костя говорит:

– А что, Николай? Давай пойдём во Вдовино прямо сейчас? Не будем дожидаться завтрашнего дня. Я попрошу у своих хозяев (они друзья матери) пару хороших лыж – у них есть. И на лыжах мы быстро дойдём до села. Идёт?

Я, не думая, согласился! Как мы ошиблись! Что мы наделали?

Так вот, забежал домой, бросил сумку с книжками и не стал даже обедать. Крикнул Муковкину:

– Как придёт Шурка из школы, скажи, что я ушёл во Вдовино с Костей Чадаевым!

Муковкин опешил:

– Да ты что, сдурел? Мы даже в Пономарёвку не идём на ночь, а это же на двадцать километров ближе. А вы? Через два часа будет уже темно и похолодает ещё больше. А дорога там во многих местах перемерзла. Замерзнуть, заблудиться хотите? И не думайте! Сколько там таких смелых и дурных помёрзло! А волки?

Но я и слышать не хотел. Там, на выезде из Пихтовки, наверное, меня уже ждёт с лыжами Костя. Я не могу подвести его! Кинулся из избы. На крыльцо в одной рубахе вдогонку выскочил Муковкин – в руках полбулки чёрного хлеба:

– На, возьми! Голодный же! Пригодится! Вспомнишь ещё меня! Хоть бы одел что-нибудь под штаны и рубаху из старой одежды! Ведь замерзнешь же! Вот дурак упрямый! Куда спешишь? Ой, балда! Пропадёте!

Я схватил хлеб и спрятал его за пазуху...

Спасибо, родной товарищ! Этот хлеб спас нас! Без него, точно уж, мы бы не дошли, окоченели. Дай Бог Муковкину долгой жизни...

Встретил на выезде Костю Чадаева. Он только что подошёл на лыжах. Я быстро привязал к пимам лыжи, и мы резво пошли по накатанной дороге.

Красное солнце уже садилось за дальние ели, мороз начал крепчать. Костя тоже не обедал, с собой захватил небольшой ломоть хлеба, который мы сразу же съели.

Прошли Залесово – собаки долго лаяли нам вслед. Скоро же темнеет зимой! Идём быстро, не переставая разговаривать на ходу. Мечтаем, каждый о своём. Мне не терпится пойти за зайцами. Говорю Косте:

– Завтра же, как придём, пойду с утра в знакомые осиновые колки ставить петли! Посмотри, здесь тоже по обеим сторонам дороги много заячьих следов! А вон дальше, смотри, виднеются обглоданные начисто молодые осинники. Значит, зайцев в этом году много, а я полгода не ловил, соскучился.

Костя отвечает:

– А я зайцев никогда не ловил. Что здесь интересного? Душить бедного зверька – это, как тебе сказать, да просто бесчеловечно! Вот и Вовка Жигульский называет вас с Шуркой и Афонькой... душегубами.

– Да что вы понимаете? Охота на зайцев – прекрасное занятие! Азарт, тревога, трепет, сердце аж заходится и поёт, когда видишь пойманного зайца! У тебя, Костя, как и у Вовки, душа не охотника!

– Может быть, может быть... Но меня начинает волновать уже не охота и заячьи следы, а... мороз. Смотри, что творится? Плохо мы оделись. Зря мы пошли, чёрт возьми!

И правда, становится совсем холодно! Мороз уже явно за тридцать градусов! Особенно стынут руки. Тонкие варежки не держат тепло. Мы уже устали и не разговариваем. Про себя думаю:

– «Руки с палками всё время наверху. Кровь, видно, отливает от кистей и они мёрзнут. Да и тоненькие штаны и одна рубашка. Как я, дурак, не догадался под штаны одеть ещё другие – у меня же были запасные. Точно также и вторую рубаху надо было одеть. А то всего: майка, рубашка и фуфайка! Мороз пробирает до костей».

Дорога еле просматривается. Она, чем дальше от районного села, тем менее накатанная. Теперь часто спотыкаемся в темноте, падаем. Ждём друг друга, часто останавливаемся, греем за пазухой руки, потихонечку догрызаем мёрзлый хлеб. Как он сейчас вкусен!

Наконец, пройдено тридцать километров – Пономарёвка! Долго всё – таки мы шли до неё! Видно, уже очень поздно, т. к. ни в одной избе нет света.

Мы сейчас делаем громадную ошибку, минуя крайние избы и выходя из Пономарёвки! Надо было остановиться и попроситься у кого-нибудь на ночлег. Да разве мы бы на это решились! У нас даже и в мыслях нет этого! Робость перед людьми, проклятая робость – всю жизнь эта деревенская закваска осталась во мне! Костя такой же! Глядя на современных молодых, самоуверенных и даже наглых людей, видишь, какая громадная разница в наших поколениях! В той ситуации нам не хватило смелости, и мы чуть не поплатились жизнью!

На кого мы теперь похожи с Костей! Вокруг головы, лица – ореол инея и снега. Только глаза лихорадочно блестят в темноте. Фуфайка, брюки, пимы, шапка, рукавицы – всё заскоружло и замёрзло! Два натруженных снеговика медленно продвигаются вперёд. Только пар изо рта и тяжёлое дыхание, да скрип лыж громко раздаётся далеко вокруг. Тучи на небе сошли, скорее всего, после полуночи и показалась луна. Стало светлее, дорога заметнее, чуть повеселело на душе – прошли Камышинку, Лёнзавод. Из последних сил дотянули до Хохловки. Вдруг сзади шум – в нашу сторону едут сани! Обрадовались – спасение! Замахали палками, закричали изо всех сил:

– Дядька! Стой! Мы замерзаем! Подвези до Вдовино! Мы гибнем!

Лошадь чуть не сбила нас и пронеслась мимо! В санях мелькнул только один мужик в тулупе. Он же мог взять нас, сволочь, но сделал вид, что не заметил! Пусть Бог накажет его! От бессилия мы повалились на снег и расплакались. Но надо идти, надо бороться!

Первое время мы с Костей постоянно в испуге оглядывались на чёрный безмолвный лес, который был рядом, по обе стороны дороги. Лишь бы не волки! Теперь нам уже всё равно. Мы настолько устали и отупели от голода, холода, что уже не соображаем. В голове только одна мысль:

– «Когда это кончится? Господи, помоги нам! Будет ли конец всему этому?»

Руки давно не чувствуют холода, их не разогнёшь в мёрзлых железных рукавицах – они «приварились» намертво! Лыжные палки устало волочатся, механически отталкиваясь. Идём, как во сне, через Носково. Уже забрезжил рассвет, и ранние хозяйки начали топить печи. Ровные столбы дыма поднимаются колоннами в холодное небо. Сил уже нет, глаза слипаются. У крайней избы около стога сена, стоящего прямо рядом с дорогой за забором, валимся, спрятав лицо в сено и вытянув ноги с лыжами прямо на дорогу.

Мы медленно замерзаем... Мороз сковал усталое, потерявшее движение и тепло тело. Нет у нас сил. Нами овладевает апатия и равнодушие. Это конец! Костя в последний раз шевельнулся, при бледном свете луны чётко видно, как он открыл глаза, слабо улыбнулся и прошептал:

– Прощай, Колька! Видать, нам не жить! Чёрт с ней, такой жизнью!

И заснул. Из последних сил стараюсь не закрыть глаза, поняв, что жизнь кончается, хочу что-то ответить Косте.

Вдруг ясно вижу, как из печной трубы соседней избы, которая находится на той стороне дороги, медленно выползает большая, чёрная ведьма. Она, как столб дыма, долго вылезает из трубы, вертит головой во все стороны, зорко смотрит, подняв руку к глазам, как от солнца. И вдруг качнулась, смотрит на нас! Её леденящий взгляд заставляет меня съёжиться, мне жутко! Это никогда не забуду! Я толкаю изо всех сил Костю и тихонько бужу:

– Проснись! Смотри, ведьма! Костя!

Он не откликается. Мне жутко, т. к. ведьма смотрит пристально и зло на меня и... вдруг медленно поднимает обе руки и тянет их ко мне. Я полностью просыпаюсь, вижу – плачу и торможу изо всех сил Костю. Уже кричу громко:

– Костя! Да проснись же! Ведьма сейчас нас обоих съест! Костя – я – я!

Он, наконец, приоткрыл глаза в ореоле инея. Глянул в сторону ведьмы, очнулся, и тоже стухнул:

– Вижу! Не кричи и не шевелись! Может, не заметит!

Мы лежим в тени стога – лунный свет выхватывает только наши ноги с лыжами. Ведьма смотрит непрерывно, не мигая, кровавыми глазами на нас, и, видно, злится, т. к. зловеще открыла громадную пасть с белыми клыками. Красно-чёрные слюни каплют обратно в печную трубу. Мы оцепенели, враз забыв холод и голод. Костя шепчет:

– Вот не ожидал такой смерти! Сейчас, сука, сожрёт целиком нас. Только кости, как у мышки, хрустнут!

Наконец, ведьма громко рыкнула, отвела свой взгляд от нас, повернула голову в другую сторону и оторвалась от трубы. Тихо-тихо поплыла, полетела над селом, всё время увеличиваясь в размерах и уже не оглядываясь на нас.

До конца своих дней не забуду эту ночь! Жуткий мертвячий свет луны, белое безмолвие, и страшная чёрная ведьма...

Сознание вернулось только днём. Кто-то расталкивал нас, шумел, ахал. Мы почти не шевелились и не приходили полностью в сознание. Помню только, что кто-то снимал с меня лыжи и перенёс в сани, укутав тулупом. Пришёл в себя только в родной хате. Плакала, суеги-лась мать, отчим растирал самогонкой моё лицо, уши, тело, раздев донага. Мои руки стучали по полу, свесившись с лавки, будто не мои – они совсем не чувствовали боли.

Спас нас с Костей, оказывается, дед Лазарев, как и маму когда-то. Он вёз почту во Вдовино. Мать, рыдая, привела в дом хирурга Дакиневича. Тот долго осматривал меня – руки, ноги. Сказал:

– Немедленно в больницу! Обморожение сильнейшее! Постараюсь спасти ноги. С руками хуже. Но... посмотрим.

Перевезли тот же час в больницу. Костя уже был там. У него, как и у меня было отморожено лицо, уши, руки, ноги.

Весь январь мы провалялись в больнице – Дакиневич искусно лечил нас. У меня с правой руки чёрными струпьями слезила кожа всех пяти пальцев и кисти. С левой – чуть меньше. Осталась на всю жизнь памятка с той ночи – негнувшиеся полностью по два пальца на руках.

Так я и не сходил на каникулах в лес за зайцами в последний раз...

Проболев месяц, назад в Пихтовку поехал с другом Афонькой. Костя наотрез отказался от школы и не поехал в Пихтовку. Та ночь, как оказалось, окончательно сломала его, и он остановился в своём развитии. Не стал больше учиться и после освобождения, не поехал на Кавказ, а только переехал в Новосибирск.

Афанасий закончил семилетку во Вдовино, и дальше не стал учиться: у матери не было сил – жили они очень бедно. Он уже работал и ехал туда по каким-то делам (его послал председатель колхоза). Председатель договорился с водителем огромного грузовика «Студебеккера» и нас посадили в кабину. Эти великолепные машины появились в Новосибирске после войны. И вот водитель одного из них приехал во Вдовино, погрузил зерно из колхозных амбаров и повёз его мимо Пихтовки в Новосибирск.

Выехали в ночь. В кабине было просторно, тепло, интересно. Светятся всевозможные приборы, кнопки, стрелки, лампочки – вот что значит настоящая техника! Мы с уважением искомса посматриваем на шофёра. Какой он умный, всё знает, такая огромная машина и подчиняется ему! Снежная дорога быстро летела под колёса. Думаю про себя весело:

– «Вот здорово! Это тебе не та ночь, в которую мы погибали с Костей!»

Фары горят ярко, освещают дорогу, сугробы, кусты. Это было необычно, красиво. Машина урчит, в кабине приятно пахнет бензином, маслом, дымом газов и кожей сидений, тепло, мягко, светящиеся кружочки на приборной доске подмигивают нам. Местами дорога на многие километры вьётся как бы в тоннеле. Высота снежных бортов более полутора метров. Раза три-четыре, как отъехали из Вдовино, в свет фар врывались зайцы. Они бежали впереди долго-долго. Шофёр весело сигналил и давил на газ ещё сильнее. Машину швыряло, мы хохотали от восторга и кричали от возбуждения. Уже перед Залесово в свете фар на дороге показался крупный серый зверь – явно не заяц! Там как раз были особенно высокие сугробы. Шофёр закричал:

– Ого! Волк!

Машина понеслась! Расстояние быстро сокращалось! Волк бежал изо всех сил. Несколько раз он кидался на стену сугроба, пытаясь уйти с дороги, но в спешке срывался и падал. Это только истощало его силы. Мы замерли от этой погони. Такое и не при-снится! Было жутко. Огромная машина настигла зверя! Он в последний момент оглянулся, мелькнул злобный оскал его зубов. Раздался мягкий удар, визг – грузовик остановился. Шофёр возбуждённо закричал нам:

– Не выходите! Он может быть живым!

Достал монтировку и осторожно открыл дверцу. Далеко от машины, метрах в тридцати, лежал на дороге раздавленный волк. Шофёр принёс его в свет фар. Мы выскочили из кабины, о чём-то говорили, долго его рассматривали. Довольный шофёр кинул его в кузов, затянутый брезентом.

Как быстро пролетело время – жаль! Вот уже Пихтовка! Шофёр останавливает машину и вдруг хмуро требует:

– С вас по двадцать пять рублей!

Мы с Афанасием мнёмся, шуршим деньгами, шепчемся. Наконец, протягиваем водителю по пять рублей (50 коп. по-новому). Тот заорал:

– Да вы что? Совсем меня принимаете за дурака? А ну, быстро гоните пятьдесят рублей!

Мы в ужасе, пугаемся, красеем, злимся, молчим. Рассвирепевший шофёр резко трогает с места:

– Не выпущу, пока не отдадите деньги!

Пролетает Пихтовка. Мы уже выскочили за окраину. Испугались, раскричались, расплакались:

– Дяденька! Возьми, сколько есть! Больше у нас нет ни копейки!

Протягиваем ему смятые рубли. Он сбавляет ход, пересчитывает деньги:

– Тридцать восемь рублей! Да это же не хватит на ресторан!

Ругается, останавливает машину, с матом захлопывает за нами дверцу. Наконец-то мы освободились! Афонька зло плюёт вслед:

– Шкурник!

Я, успокаиваясь, подтверждаю:

– Да, паскудный оказался шофёр! Откуда они берутся такие? Афанасий! А что такое ресторан?

– Да это, как столовка: они там жрут и пьянствуют с бабами.

Возвращаемся назад в Пихтовку пешком – километра четыре провёз он мимо. Настроение от интересной поездки надолго испорчено. А встреча с плохим человеком ранит душу. А сколько ещё будет в жизни их – злых, завистливых, нравственно убогих?...

Ночь со Злыднем

Я никогда не отдыхал в санаториях, да и в отпуске не был уже давно. Работа начальника строительного управления очень хлопотливая и нервная. Да, вдобавок, теперь у меня было одно увлечение, отнимавшее много времени – был журналистом и работал внештатным корреспондентом одной из независимых газет. Я неимоверно устал, и надо было что-то делать. Мой друг – полковник Михаил, работавший начальником санатория МВД, предложил:

– Давай поедem отдыхать в Закавказье в правительственный санаторий? На берегу прекрасного озера Рица, думаю, здорово отдохнём. Там у меня директором санатория хороший мой товарищ – Путрин Владимир. Он будет очень рад принять нас по высшей форме – притом по льготной цене.

– Хорошо, Михаил. Я подумаю... , но кто ты, а кто я? Тебя все знают, а я какое отношение буду иметь к привилегиям правительственного санатория?

– Не беспокойся – я всё устрою. Я знаю – ты очень интересуешься Сталиным. Твоя жена как-то шутливо сказала, что «мой муж прямо помешался на Сталине – читает все книги о нём, смотрит все передачи о Сталине, пишет в газетах постоянно о нём и т. д.» А в этом санатории, точнее, на даче при этом санатории, неоднократно отдыхал Сталин. Думаю, тебе будет интересно что-нибудь новое узнать о твоём «любимом» вожде.

– Согласен, Михаил! Едем!

И вот мы уже отдыхаем в правительственном санатории. Осмотры у врачей, процедуры – всё это необычно для меня. Через неделю попросил начальника санатория:

– Володя, я бы хотел заночевать на даче Сталина. Видел в углу парка это мрачное здание.

– Можно, конечно! Дача практически всегда пустует и мы не делаем там ремонт: сохраняем номер Сталина в первоначальном состоянии. Кому не предложу номер – все переночуют, и уезжают на следующий день. Спрашиваю, почему уезжаете – молчат! А обслуживающий персонал утверждает, что всех пугает дух Сталина...

– Ерунда всё это! Я не боюсь!

Путрин ответил:

– Хорошо! К завтрашнему дню распорядюсь – подготовят дачу. Протопим, наполним бассейн, бельё, постельное и т. д. Михаил! Ты тоже будешь ночевать там?

– Нет уж! Я что-то боюсь этого «духа» – а вдруг и правда там бродит Сталин? Николай очень «любит» его – пусть один ночует на даче.

Когда я зашёл в спальню Сталина – просто обомлел. Огромная комната (площадью 50—60 квадратных метров) с пятиметровыми потолками, паркетные полы, большие окна с тяжёлыми двойными шторами, старомодный дубовый стол с телефонными аппаратами, кресла, диван, люстры, торшеры и в углу – квадратная гигантская кровать, на которой можно было спать вдоль и поперёк. При спальне расположена туалетная комната с большой мраморной ванной. Вход в спальню был двойной. По длинному коридору один выход в столовую и большой бассейн, а другой, со стеклянной дверью, непосредственно в парк. Мы долго плескались и плавали в бассейне, а затем уселись за столиком в столовой. Обслуживающий персонал давно ушёл, а мы всё никак не могли «закончить» бутылку коньяка. Во втором часу ночи, наконец, Михаил ушёл в свой корпус, и я остался один.

Лежал на огромной кровати – всё плыло и качалось вокруг. Сон не шёл. Навязчивые мысли и думы о Сталине мешали мне заснуть, и я уже пожалел, что остался ночевать в этой огромной и неудобной спальне. Я представлял, как Сталин здесь работал и отдыхал. Было тихо-тихо. Лунный свет пробивался сквозь щели в шторах. Вдруг рядом с окном раздалось гром-

кое уханье – это было ужасно. Потом ещё, ещё и ещё! Мне стало страшно – я начал креститься. Подошёл к шторам, чуть раздвинув их, и стараясь разглядеть в темноте филина. Вдруг явственно услышал лёгкое покашливание и шаркающие шаги – по коридору явно кто-то шёл. Стало жутко – в корнях волос на голове у меня прошла волна холода. Юркнул в постель – шаги стихли, филин тоже. Подумал:

– «Что за чушь? Неужели это правда? Рядом бродит дух Сталина? Если ещё раз услышу шаги – убегу в корпус ночевать. Нечего судьбу испытывать».

Стал дремать. Вдруг в спальне возник мерцающий бледный свет. Я приоткрыл глаза, и к своему ужасу увидел за письменным столом попыхвающего трубкой Сталина – тонкий запах табака витал в воздухе. Покуривая трубку, одетый в характерный китель и сапоги, он мягко и вежливо спрашивал кого-то по телефону:

– Что нового в Казахстане, Геннадий Андреевич? (Борков: 1-ый секретарь ЦК КПСС Казахстана).

Я ошеломлённо наблюдал за происходящим – сон это или, правда? Я знал эту необычную особенность Сталина – звонить по ночам первым секретарям республик, в результате чего они все были «на стрёме» – не спали и ждали этих звонков.

Чуть приподнялся, стремясь лучше разглядеть Сталина. Кровать скрипнула. Сталин прервал разговор и резко обернулся:

– Кто это спит на моей кровати? Как вы посмели?

– Я... товарищ Сталин... простите... сейчас уйду... чёрт попутал...

– А – а – а! Я о вас слышал... журналист... критикуете меня, как и все писаки. Хорошо – не бойтесь меня. Давайте поговорим. Мне здесь скучно ночами. Спрашивайте обо всём... Мне интересно, что говорят и пишут обо мне. Много лжи... Задавайте вопросы. Любые! Я отвечу. Не бойтесь. Смелее...

Я вдруг сразу успокоился и понял, что такого в жизни больше не представится:

– Вас называют «Кобой». Это в честь разбойника, который, ... извините, как и вы в молодости, грабил на дорогах Грузии проезжавших купцов?

– Всё это ложь! Я в молодости прочитал одну книгу – «Отцеубийца». В ней рассказывалось о Кобе, кавказском Робин – Гуде, сражавшемся с казаками, защитнике грузинских бедняков, народном мстителе. Мне понравился этот образ, и я взял эту кличку.

– Когда вы пришли к власти – в стране воцарилось хамство, грубость и жестокость. Ваш друг Орджоникидзе не раз бил по лицу во время спора своих оппонентов. Да и о вас Ленин в последний год жизни написал: «Сталин слишком груб и я предлагаю сместить его с должности Генерального Секретаря партии, заменив его другим человеком, который был бы более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам»...

– Да, я груб! Но груб я в отношении врагов нашей революции.

– О вас писали многочисленные свидетели: «Простота Сталина не была позой. Его интересовала сама власть, а не роскошь, которую она могла предоставить. У этого страстного политика не было других пороков. Он не питал любви ни к деньгам, ни к удовольствиям, ни к спорту, ни к женщинам»...

– Да, это так! И что здесь плохого?

– Вам как-то Троцкий бросил в лицо: «Первый секретарь выставляет свою кандидатуру на пост могильщика революции! Грубость и вероломство, о котором писал Ленин, перестали быть просто личностными качествами Сталина. Они характеризуют весь стиль нашего нынешнего руководства. В стране идут массовые аресты среди духовенства, интеллигенции, да и всех других слоёв населения, и даже среди старых большевиков!» Вы не простили ему этого и убили...

– Да, мы действительно арестовывали и расстреливали всех врагов революции, пока они не прекратят вести подрывную работу в партии и в Советском правительстве.

– Ваша практика военного коммунизма в 1918—21г. (продразвёрстки и реквизиции), а также программа насильственных реформ в сельском хозяйстве в 1928 – 33г. затронула десятки миллионов человек, проживавших в 600 000 деревень. 25 миллионов крестьянских хозяйств были объединены в 240 тысяч колхозов, находившихся под контролем государства. В результате были уничтожены или сосланы в Сибирь десятки миллионов человек. Украина в то время давала до 30% урожая зерновых. Вы изъяли у неё практически всё зерно и устроили голодомор, что привело к смерти более 5 миллионов украинцев. На границы Украины вы поставили войска и не выпускали никуда умирающих людей. Голодные толпы людей грызли землю, кору деревьев, выкапывали червей; съели практически всех собак и кошек, питались человечинной. Трупы десятков тысяч людей лежали на дорогах, в полях и лесах, объедаемые волками, шакалами, лисами. Но Украина была не одна. Продавая за рубеж практически всё зерно на цели индустриализации, вы обрекли на голодную смерть людей и в Поволжье, и на Северном Кавказе и в Казахстане.

Конквест, исследуя эту афёру, написал: «Число погибших в войне Сталина против крестьян в одной единственной стране, было больше, чем общее число погибших во всех странах, участвовавших в первой мировой войне». Для чего такие необоснованные жертвы?

– А как было выжить? Я всегда помнил слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь!» Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны были пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы это сделаем, либо нас сомнут. Я оказался прав!

– Вы создали Главное управление лагерей (ГУЛАГ), в котором работало бесплатно до 20% всей рабочей силы СССР. Миллионы человек погибли в неимоверно тяжёлых условиях голода, холода, невыносимого труда.

– Я уважаю Петра Первого и Ивана Грозного – иногда с ними общаюсь. Для них всегда ключом к власти над страной был страх – самая действенная сила в государстве. Используя их методы и, учитывая теорию марксизма-ленинизма, мы добились огромных побед в деле индустриализации России. Марксизм добился того, что одержал полную победу в одной шестой части света. А люди? ... Бабы нарожают новых...

– На 17 – съезде партии, вошедшим в историю под названием «Съезда Победителей», на тайных выборах против вас проголосовало большинство делегатов, высказавшись за выборы Генеральным секретарём партии товарища Кирова (против Кирова было всего три голоса). Вы, путём манёвров со своим другом Кагановичем, просто «не сохранили эти бюллетени» и после этого уничтожили 1108 делегатов, обвинив их в контрреволюционных преступлениях. После этого съезда Киров был убит, а Орджоникидзе и Куйбышев исчезли при таинственных обстоятельствах. Других членов ЦК – Бухарина, Рыкова, Томского, Зиновьева, Каменева, Преображенского и Ломинадзе вы интернировали позже.

– У них была путаница во взглядах. Если бы эта путаница и небольшевицкие настроения овладели большинством нашей партии, то она оказалась бы демобилизованной и разоружённой. А так... Социализм в нашей стране победил!

– Вы полюбили власть, лесть и подхалимство. Помните, Каганович сказал: «Все в партии говорят о Ленине и ленинизме. Пора нам честно признаться самим себе. Ленин давно умер. Сколько лет он работал в стране? Что под его руководством было сделано? Сравните это с тем, что сделано под руководством Сталина! Пришло время сменить лозунг «Да здравствует Ленин!» на лозунг – «Да здравствует Сталин!» Вы, уничтожая евреев, оставили его на высоких постах при себе. Вскоре на территории СССР не осталось ни одной школы, учре-

ждения, фабрики, шахты или колхоза, стены которых не были бы украшены вашими портретами. Газета «Правда» постоянно напоминала трудящимся знаменитым опусом: «Теперь, когда мы говорим Ленин, мы подразумеваем Сталин!». Историки и современники пишут о вас: «Со стороны Сталин казался человеком большого самообладания, непоколебимой уверенности в себе, но внутри него бушевали страсти: страстное желание единоличной власти, которая освободила бы его от необходимости прислушиваться к мнениям и советам других, жажда отмщения, ненависть к инакомыслящим и, одновременно, потребность в признании, в самоутверждении»...

– Ты, я вижу, разговорился... Не боишься товарища Сталина. А зря! Ты меня разозлил. Ну, хорошо! Я тебе отвечу на этот вопрос завтра. Посмотри – уже утро...

– Товарищ Сталин! Я бы хотел спросить вас ещё о Красной Армии, как вы уничтожали высшее военное руководство, о необоснованных жертвах в Великой Отечественной войне и репрессиях после неё и ещё кое о чём. Просьба – ответьте мне сейчас о вашей личной трагедии с сыновьями и с вашей женой. Многим непонятна ваша фраза на похоронах жены, покончившей жизнь самоубийством. Вы оттолкнули гроб, сказав: «Она ушла, как враг!» Позже вы репрессировали всех родственников. И, возможно, самое главное: историки утверждают, что Вторая Мировая война случилась только из-за вас. Вы развязали войну с Финляндией и захватили Выборг и Карельский перешеек, вы оккупировали Литву, Латвию, Эстонию, Западную Украину и Белоруссию, половину Польши, всю Бессарабию – захват этих земель начал угрожать Гитлеру и он начал войну с СССР. А теперь у нас с этими странами проблемы.

– Дурак! Мы просто отодвинули границы, а то бы, вероятно, немцы дошли до Урала. А вообще ты прёшь, как танк! Подожди, журналист, не спеши. Я отвечу тебе на все твои гадкие вопросы! И отвечу и покажу кое-что! Пригласим завтра на беседу Лаврентия с друзьями. Ты запомнишь эту ночь – обещаю! Только не уезжай!

При этих словах о Берии и угрозе я вздрогнул и ...проснулся! Успел ещё услышать лёгкий свист и шум от удаляющихся шагов. Поднялся с постели весь потный – бледный, ошеломлённый и расстроенный...

Что это всё означает? Я так и не понял – это был сон или видение? Но ведь я всё явственно видел и слышал! Не могло быть это сном! Что за чертовщина! Ужас какой-то! Бежать, бежать отсюда!

Утром пришёл в корпус, отказался от завтрака и процедур, начав собираться в дорогу. Михаил не узнавал меня:

– Ты не в себе! Что случилось, Николай? Ты что, действительно испугался Сталина?

Я не отвечал, холодно попрощавшись с Михаилом и Путриным. Внутри у меня всё дрожало. Заказал такси на вокзал и навечно покинул санаторий...

Живые мертвецы

Впервые в жизни купил «Жигули». Не верю своим глазам – у меня свой автомобиль! Мне, который ещё пятнадцать лет назад мечтал о велосипеде, как о несбыточной мечте, и вдруг машина!

Жизнь наполнялась новым содержанием. Теперь мог ездить в горы, на рыбалку, в поля и лес. Ранней весной, когда только еле научился свободно водить свою зелёную «тройку», отчим Филипп Васильевич предлагает:

– Николай! Поехали в Чечню! Сейчас там, в горах полно черемши! Наберём багажник, продадим на базаре! Она очень вкусная и... дорогая!

Я особенно не понимал, что это за трава, но согласился. Вдвоём быстро домчались до Ачхой-Мартана, а затем повернули в горы. Ехали долго, пока совсем не исчезла дорога. Вышли из машины с мешками. Стояла тёплая весенняя солнечная погода. Зелени ещё не было, только сильно набухли почки. Сколько мы не ходили по горам, черемши не было. По всей вероятности, мы приехали рано. Подошли к машине – там стоит старик в папаче.

Наверное, чабан. Спрашивает:

– Откуда вы?

– Из Кисловодска!

– Ого, как издалека! Не боитесь быть у нас в горах?

Отчим смеётся:

– А кого бояться?

– Да машина у вас больно хороша!

Мы поспешили сесть и уехали. Только через десятилетие, когда началась там война, я понял, как мы рисковали, забравшись так далеко в горы Чечни.

Через три недели мы с женой Тамарой и детьми поехали на два дня в Турксад.

Там у нас жили друзья. Они давно приглашали нас в гости к себе. Володя работал водителем. Жена его тоже приветливая женщина. Покушали и поехали на рыбалку. Долго ездили по степи, а затем остановились на взгорке.

Володя показывает рукой вдаль:

– Смотрите!

Видим внизу небольшое озеро, связанное небольшой горловиной с более крупным озером. Оно как бы кипит. Подъезжаем. Воды по колено и вокруг всё шевелится и плескается – идёт нерест. Вода очень тёплая. Жёны наши зашли в узкую горловину и перегородили её. Мы начали гоняться за рыбой. Падаем, ловим руками, смеёмся. Тамара с Верой падают в воду, ловят сазанов и карпов прямо в подола платьев, растопырив ноги. Хохот, визг! Все мокрые, но радостные и счастливые!

Вечером присолили её в большой кастрюле, и мы водочкой отметили эту необычную рыбалку.

На следующий день Володя говорит:

– Завтра наши охотники собираются на сайгаков. Поедем?

Тамара с детьми остались с Верой дома, а мы поехали. Собралось пять человек. Познакомились. Особенно мне понравился балагур Вася. Они на двух грузовиках. Володя говорит:

– Ты хотел посмотреть сайгаков вблизи? Вот за тем пригорком они наверняка пасутся. Ребята постоят здесь, а мы объедем издалека и ворвёмся прямо в стадо!

И впрямь! Выскочили из-под пригорка и оказались рядом с огромным стадом! Сайгаки бешено несутся, опустив головы к самой земле. Нам повезло. Степь здесь ровная и машина быстро догнала стадо. Краем глаза смотрю – на спидометре 80 километров! Азарт охватил нас! Володя за рулём. Кричит:

– Хватай крайнего за рога! Только держи крепче!

Мы всё ближе и ближе к сайгакам! Я протягиваю руку, но они в последний момент увёртываются! Уже несколько приближений вплотную, но всё без толку! Вдруг сильный удар! Мы пересекли небольшую канавку и прекратили погоню. Сайгаки убежали. Заглянули под машину, вроде, ничего страшного, но это отрезвило нас!

Через некоторое время нашли наших охотников. Они уже убили семь штук из другого стада. В небольшой чахлой лесополосе развесили и освежевали туши. Начали жарить шашлыки и пить водку. Мясо сайгаков мне не понравилось – очень жёсткое. Все весёлые и счастливые. Разговоров о рыбалке и охоты не счесть! Вася рассказывает:

– Оставайтесь назавтра! Я вам покажу такую рыбалку, которую вы не увидите нигде!

– Да мы уже наловили рыбы! А что за необычная у тебя рыбалка?

– Недалеко отсюда есть канал и через него мост. К этому мосту снизу идёт широкое бетонное русло. Утром рано приезжаю с женой. В руках у меня весло и на поясе привязан мешок. Снизу тихонько заходим в русло. Идём рядом. Я бью веслом по дну. Сонная рыба подскакивает вверх, а жена её ловит сачком. И в мешок мне! Пока доверху дойдём, мешок почти полный!

Владимир смеётся и спрашивает его:

– Это там Маруся Колотилова всех мужиков перессала?

– Да, да! Сейчас расскажу Николаю об этом случае. Как-то мы выпивали там на этой плотине и поспорили, кто дальше всех ссыканёт в воду с берега. Компания была большая, и три женщины в ней. Ну, вот все мужики посоревновались, посмеялись и вдруг эта Маруся говорит: «Ну и ссыкунишки вы все слабые! Ставьте ящик портвейна – я вам докажу!»

Мы, конечно, захохотали, а потом нам стало интересно, как это она делает.

Согласились! Она ни в какую – деньги вперёд! Раззадорила всех! Собрали деньги на ящик «портянки».

– И что? Выиграла?

– Ещё как! Разогналась с берега, руку под юбку. У берега задрала ногу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.